

Гулливвер в плену у лилипутов

О невозможности «мажорных» финалов

Недавием мая-2004 - 1 июля 1924) - с. 7. - (Прим.)

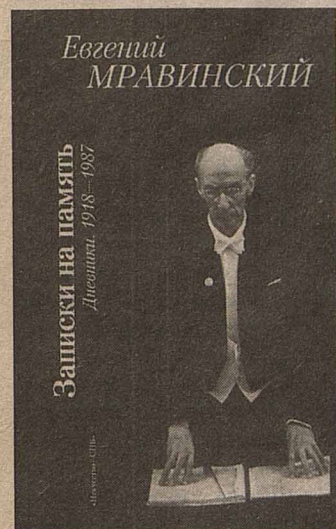
Надежда Кожевникова

Евгений Мравинский.

Записки на память.

Дневники. 1918-1987.

- СПб.: Искусство-СПб, 2004, 656 с.

Судя по фотографиям, щедро в книге представленным, в Мравинском еще ребенке, мальчике, юноше явственна печать благородства – клеймо вражеское, ненавистное для черни. Ему исполнилось четырнадцать лет, когда мир его предков, его собственный мир сокрушился в одночасье. Но порода уже в нем сказала, и никакого обольщения, ослепления «новой явью» не мелькнуло, хотя куда более опытные, умудренные, из той же, что и он, культурной, привилегированной

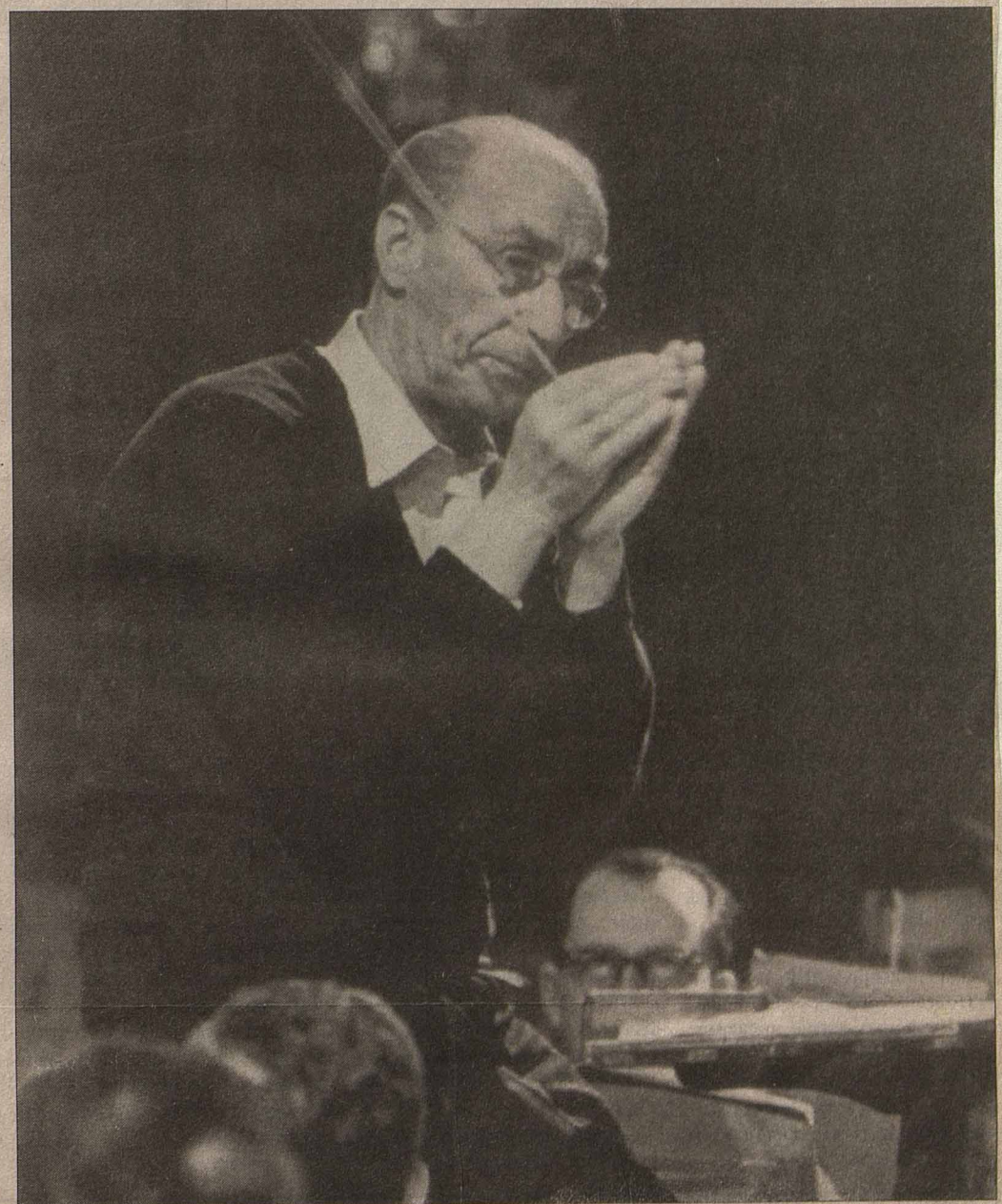
накая искренность стремительно изживаются, и на глазах буквально вырисовывается образ уже того Мравинского, которого современники по глухоте, толстокожести упрекали в холодности, скрытности. А ему пришлось, он был вынужден надеть такую маску, иначе бы не уцелел.

Уникальность личности Мравинского сказалась и в том, что, попав, застряв, как в ловушке, в абсолютно чуждой ему действительности, своим миром, верой он не поступился. Но затаился.

тический пессимизм или пессимистический оптимизм), как заключающий в себе диалектически «утвердительное отрицание» или, наоборот, – и просто в «утвердительное» никак не укладывающийся».

Ясно, прозрачно, объемно, не так ли? И разве только о музыке здесь речь?

Но прямых протестов, разоблачений, откровенного неприятия режима, власти в дневниках Мравинского не найти, они очищены от политико-публицисти-

Репетиция во время гастролей в Челябинске. 1969.

В этой книге все удивительно. И то, что она писалась с 1918 года по 1987 год, то есть шестьдесят девять лет. И что автор ее по своему происхождению, воспитанию, вере, принципам подлежал выкорчевыванию в ту эпоху, когда имел несчастье родиться, но не просто выжил, а прославился, вошел в когорту мировых знаменитостей.

Еще удивительней, что уже после его смерти рукопись, а точнее, блокноты, листочки, обрывки, клочки бумаги хранились в чемоданах почти двадцать лет – и вот держу в руках замечательно, с безупречным вкусом изданный том, вышедший в Санкт-Петербургском издательстве «Искусство», и все еще не верю: неужели вправду сбылось?!

К этой книге у меня особое отношение: я знаю, хорошо знаю, что ее могло не быть, и не только при советской власти, что обоснованно, понятно, но и при той, что называет себя демократической.

Александра Михайловна Вавилина-Мравинская, вдова, наследница великого дирижера, в предисловии упоминает, что напе с ней знакомство произошло в июне 1991 года, когда я, тогда корреспондент газеты «Советская культура», приехала в Ленинград (в то время еще Ленинград), чтобы взять у нее интервью. И обнаружила клад – те самые дневники Евгения Александровича, что вот сейчас – только сейчас – обнародованы.

среды, на соблазны поддались. Блок, призывающий слушать «музыку революции», после жестоко поплатился за привидевшиеся ему химеры. А вот подросток Мравинский в 1918 году – тогда начаты его дневниковые записи, длящиеся всю жизнь, – лаконич-

Удавка самоцензуры присутствует в дневниках, хотя писал он их исключительно для себя. Позволяет разве что вот такое, как бы чисто профессиональное: «Симфония Рахманинова – как человеческий документ безынтесна; в этом смысле даже слегка перекликается с Восьмой Шостаковича: невеселые попытки подвести невеселые итоги.

И в итоге – даже невозможность их подведения. (У Шостаковича – кульминация финала; у Рахманинова неожиданный эпизод джаз-гримасы тоже в финале.) И далее: «Пора сформулировать мою догадку о неосуществимости в искусстве утверждения окончательного, всеобъемлющего или синтезирующего; о невозможности поэтому создания финалов, содержащих все это, т.е. истинно и только «мажорные» финалы в большом искусстве, попросту говоря, невозможны; те, что – или «юны», или «боевы», или фальшивы, или поверхностны, или есть вопль о желании утверждать (Девятая Бетховена) самих себя. И это потому, что истинный синтез всегда трагичен (оптимис-

ческой шелухи, что может кого-то разочаровать. А кто-то без тени стеснения, намек на осознание собственной недалекости, ущербности просто их отшвырнет, назовет скучными. На форуме «Русского журнала» от 3 марта 2003 года и по сейчас в интернете висит отповедь мне за статью «Господа издатели и крепостные писатели» главного редактора издательства «Лимбус» В.Топорова: «А вот мемуары вдовы Мравинского (??? - Н.К.) «зарубил» я сам – «зарубил» как идею: мне это неинтересно, и пусть печатает тот, кому интересно».

Ну что же, тот, те, кому интересно, нашлись, причем сразу же после отказа «Лимбуса». Вот есть она, эта книга, реликт, памятник не только гениальному музыканту, но и пласту драгоценному нашей отечественной культуры, созданному такими, как он, оставшимися в меньшинстве и все же выдюжившими, удержавшими планку высоты помыслов и в собственной жизни, и в творчестве, что, как подтверждается еще раз, связана единой пуповиной.

Удавка самоцензуры присутствует в дневниках Мравинского, хотя писал он их исключительно для себя

Неделю я прожила как во сне. Едва продрал глаза, несла из гостиницы на Петровскую набережную, ничего вокруг не видя, не замечая, надиктовывала на магнитофон исписанные мелким почерком странички, с наблюдением всех знаков препинания – своеобразия стиля автора, не похожего ни на кого, ни в чем.

но свидетельствует: «Утром стало известно, что грабили церковь?! На Сенной убили батюшку». Всего две строки. А нужны ли тут комментарии?

«Ужас, что творится всюду: и дома, и в политике. Проснулся сегодня, и так стало безрадостно», – другая запись. Юношеская открытость, повышенная, природная эмоциональность, безогляд-